

Предисловие

Дорогие взрослые читатели!

Мы сами предисловия читать не любим, и еще меньше нам нравится предисловия писать. Но тут случай особый.

Пока работали над рукописью — такого наслушались... В общем, давайте сразу расставим точки над всякими буквами. А поскольку с подростками, для которых мы, собственно, и пишем, у нас ни разу разногласий не возникало, мы обращаемся к взрослым.

Во-первых, перед вами вовсе не историческое исследование или сенсационный вариант альтернативной истории. Это просто повесть о двух подростках, приключения и фантастика. В слове «Москвест» главная часть — «квест». Договорились?

Во-вторых, мы сильно отличаемся от наших героев. Если Миша, Маша или кто-то еще высказывает свое мнение — так это его мнение, не наше! Если английский посол считает Россию отсталой страной — это снобизм конкретного английского посла, а не авторская позиция. Если дружинник князя Остeya думает, что князь Дмитрий Донской сражался против Мамаy, чтобы помочь Тохтамышу, — мы тут ни при чем, честное слово!

При этом мы очень любим своих героев. Но они не идеальны. Они ошибаются и совершают глупости, но от этого мы любим их ничуть не меньше. Если человек не ошибается, то он не взрослеет, не набирается опыта.

В-третьих, мы много чего додумали, нафантазировали, нарисовали портреты — но только там, где это не противоречит историческим источникам. Никто из наших современников не знает, каков был Юрий Долгорукий в обыденной жизни, — вот мы и сделали его таким... э-э-э... словом, таким, каким он предстанет на страницах этой книги.

В-четвертых, не спрашивайте нас, чему учит наша книга. И тем более не спрашивайте, куда она ведет молодое поколение и к чему призывает. Мы просто рассказываем историю. А делать выводы — это право читателя.

В-пятых, авторы тоже люди. Мы могли в чем-нибудь ошибиться. Да что там могли — благодаря тест-читателям и консультантам wygrебли довольно много ляпов. Что-то наверняка не заметили. Извините, мы старались изо всех сил.

И — о приятном. Большое спасибо всем, кто помог нам исправить ошибки. В первую очередь — Ольге Викторовне Стрелковой, кандидату культурологии, научному сотруднику Музеев Московского Кремля. Она и персональную многочасовую экскурсию по Московскому Кремлю для нас провела, и вместе с коллегами рукопись вычитала, и много полезных замечаний сделала. Пусть не со всеми замечаниями мы согласились, все равно — огромное спасибо Ольге Викторовне и ее коллегам!

А еще мы хотим поблагодарить тест-читателей, которых было так много, что ни одно предисловие не вместит в себя полного списка. Спасибо, дорогие! Вы нам очень помогли!

Всё, а теперь — милости просим в книгу!

Ваши авторы

ГЛАВА 1

МИНУС ТЫСЯЧА

Мишка стоял посреди Александровского сада и злился. Их класс зачем-то понесло на экскурсию, они долго толкались в метро, потом продирались сквозь галдящую толпу у стен Кремля. «И чего они все сюда едут?» — раздраженно бурчал он себе под нос, поправляя наушник, в котором звучал бодрый рэп. Но, как назло, и тот неожиданно оборвался. «Ну а ты чего замолчал?» — еще раздраженнее подумал Мишка, вытаскивая из кармана телефон. Тот обиженно пикнул и разрядился окончательно.

Мишка запихал его в карман и огляделся. Одноклассников в пределах видимости не наблюдалось.

Мишка понял, что, пока он слушал рэп и злился, остальные ушли далеко вперед. Теперь придется одному тащиться обратно через весь город, а завтра еще и объясняться с классной, куда он исчез...

— Ладно, где наша не пропадала, — буркнул Мишка.

Поправил новую кепку с эмблемой чемпионата мира по футболу. Настоящую, брат прямо из Африки привез, не какое-нибудь фуфло, которое у метро пачками продается. Полюбовался на белоснежные кроссовки. Не оттоптали их в московской толкотне, такие же ослепительно красивые.

— Ну и? — спросил он у себя.

И начал выбирать очередную жертву своего обаяния. Чтоб телефон дали, позвонить классной.

У иностранцев просить бессмысленно, разве объяснишь, что тебе надо, — и это несмотря на то что Мишка с детства по курсам английского да спецшколам! Тетки с огромными сумками тоже не дадут, они за рубль удавятся. Кто же, кто же, кто же... О! Вот она!

Возле скамейки стояла девчонка. Лет двенадцать, а может, четырнадцать. Ничего примечательного, обычная девчонка. Джинсы, хвостик... Блондинка. Даже хорошенькая. Только вид у нее потерянный.

Мишка небрежно подошел к девочке.

— Хай!

— Привет...

Взгляд удивленный, настороженный.

Мишка отработанным движением откинул со лба кучерявую челку, поправил кепку и лучезарно улыбнулся. Но ответной улыбки не последовало, девочка все так же хмуро смотрела исподлобья. «Тяжелый случай», — подумал Мишка, но решил не сдаваться.

— Прикинь, мы тут с классом в Кремль приехали типа на экскурсию. А я музыку слушал, слушал...

Мишка внимательно следил за девочкой, чтоб понять, как говорить дальше — переходить на жаргон или, наоборот, скатываться на литературный язык. А она, как назло, смотрела совершенно безучастно, не морщилась, не улыбалась.

— Короче, я отстал от своих, — нейтрально продолжил Мишка, — а телефон сдох.

Девочка продолжала смотреть Мишке в глаза, вместо того чтоб начать суетиться, доставая телефон из кармана, или хотя б просто улыбнуться.

— Дай, пожалуйста, телефон, я классухе позвоню, — выдал Мишка, опять улыбнувшись своей фирменной улыбкой. — Я быстро. У нее такой простой номер, я его наизусть помню.

— Не дам, — отрезала девочка.

У Мишки челюсть чуть не упала от неожиданности.

— Почему? — искренне изумился он.

— Не работает.

— Что не работает? — уточнил Мишка.

Девочка ответила крайне неохотно:

— Телефон, как ты выразился, сдох.

— Что, и у тебя тоже? — не поверил Миша.

— Да. Похоже, сегодня в Александровском саду день дурака, — ухмыльнулась девочка.

Мишка смотрел недоверчиво, и девчонка вытащила из кармана погасший телефон.

— Подружка позвонила. Горе у нее, парень ее бросил. — Девочка презрительно скривила рот. — Минут двадцать дурила голову. Телефон сел, все ушли. Билеты у классной.

Мишка с тоской посмотрел на погасший экран телефона, с трудом подавляя раздражение. Время ушло, звонить уже, наверное, бессмысленно, даже если кто и даст телефон. «У-у-у, дура, это ж надо так трепаться, чтоб телефон разрядить», — подумал Мишка и плюхнулся на скамейку.

— Тебя как зовут? — лениво спросил Мишка.

— Маша, — безразлично ответила девочка.

— Хочешь мороженого? — продолжил Мишка, заметив недалеко фирменный холодильник.

— Да пошел ты, — беззлобно ответила Маша.

Мишку, как ни странно, это совершенно не обидело, а наоборот, успокоило. Типаж определился — парнениенавистница. Вся из себя гордая и уверена, что одноклассники — полные идиоты.

— Как хочешь, — ответил Мишка, а потом вдруг заявил: — От этих экскурсий все равно никакого толку! А история вообще убитый предмет!

— Сам ты убитый! — огрызнулась девочка.

И вот тут Мишка разозлился. Мало того что телефон разрядила, так еще и жить его будет учить! Тоже еще, нашлась умница!

Мишка собирался сказать наглой девице все, что о ней думает, но отвлекся.

Во-первых, где-то недалеко вдруг ударил колокол. Звук был густой и важный, сразу захотелось прислушаться.

А во-вторых, по аллее прямо к ним быстро шел мужчина в непонятной форме — что-то вроде офицерской из исторических сериалов. Сам очень высокий, с огромными закрученными кверху усами, в блестящих сапогах и с сияющей бляхой на ремне. Все это вместе вызывало в памяти выражение «военная выправка». Шел он уверенно, размашисто, по-хозяйски, но при этом у него с лица не сходило озабоченное выражение, и смотрел он прямо на Мишку.

— История — отстой! — громко сообщил Мишка, встал со скамейки, развернулся, чтобы отправиться к метро, и налетел на Машу, сбив ее с ног.

Последнее, что он успел заметить перед тем, как упасть самому, — озабоченный военный перешел на бег.

Мишка всегда неплохо плавал, но тут вдруг запаниковал, забил руками по воде — чуть не утонул. Спасло его два обстоятельства. Во-первых, вода доходила только до шеи. Во-вторых, рядом еще больше паниковала Маша. Мишка собирался ее спасти, схватив за волосы, как делают герои в фильмах, но в этот момент его самого взяли за шиворот и выдернули из воды. Через секунду рядом застучала зубами и подруга по несчастью.

— Вы кто? — злобно спросил Миша у верзилы, пытаясь вывернуться из его цепких рук.

— Городовой, — коротко представился военный, очень недовольно рассматривая спасенных.

— Где мы? Куда мы попали? Откуда вода? — сердито выпалила Маша.

— Зачем вы к нам бежали? — не отставал Миша.

— Тихо! — прикрикнул Городовой. — И так наболтал себе неприятностей!

Маша подавилась очередным вопросом, Миша спросил за нее:

— Что значит «наболтал»?

Но дядька и не думал отвечать, наоборот, шикнул и поднял руку, как будто к чему-то прислушиваясь. Миша невольно прикусил язык.

— Объяснил бы я вам, — сказал верзила, вслушиваясь все тщательнее, — да времени мало... А вас много...

После этого непонятного замечания Городовой вдруг выхватил из кармана большой серебряный свисток, резко дунул в него... и исчез.

Мишка и Маша уставились сначала на место, где стоял их спаситель, потом друг на друга...

— Это глюки. — Мишка старался говорить очень уверенно. — В смысле... галлюцина...

Договорить мудреное слово «галлюцинации» он не успел. Из воздуха снова возник Городовой и гаркнул:

— И чтоб стояли тут, никуда не ходили! Эх... Видок у вас никуда не годится... Переодеть вас нужно! Снимайте мокрое, сейчас что-нибудь добуду!

Мишка собирался поспорить, но Городовой снова исчез непонятно куда. Да и была в его словах правда — намокшая одежда неприятно прилипала к телу. Мишка сплюнул и принялся раздеваться. Девчонку он совершенно не стеснялся — пусть сама стесняется. Маша минутку постучала зубами, зашла за куст и тоже принялась возиться с одеждой.

Стаскивая мокрую майку, джинсы и кроссовки, Мишка пытался понять, куда их занесло. Вокруг стоял угрюмый хвойный лес, под ногами чавкало, сырой глинистый берег почти незаметно переходил в мутную речку, из которой их и вытащил Городовой.

Стоило его только вспомнить — и верзила снова возник из воздуха, молча сунул Мишке и Маше в руки по свертку.

— Никуда не уходить! — напомнил он таким командирским тоном, что Мишке тут же захотелось свалить отсюда подальше.

Просто из принципа. Впрочем, Городовой, в уже привычной манере, пропал.

— А может, — спросила Маша из-за куста, — мы просто спим? То есть сплю я, а ты мне снишься?

Мишка не удостоил ответом девчачьи глупости. Вместо этого развернул сверток, который напоминал что-то вроде глубокого мешка для картошки, только с рукавами. Секунду поколебавшись, Мишка принялся натягивать его на себя — надо же было как-то согреться. На ощупь рубаха оказалась даже приятной, но сейчас Мишку раздражало и это. А больше всего его злил таинственный военный, из-за которого они, судя по всему, и вляпались в эту историю.

— Раскомандовался, — бурчал Мишка вполголоса. — Куда захочу, туда и пойду. А если галлюцинация, то ненадолго... О! Сейчас все узнаем! Галлюцинации в воде не отражаются!

Мишка сделал шаг к речке, чтоб посмотреть в воду. Отражение было на месте, хотя и довольно мутное. Мишка отступил назад, повертел в руках мобильник, разобрал его, чтоб просох, и сунул под куст — все равно на временной одежке не наблюдалось ни одного кармана.

Тут показалась Маша. К неудовольствию Мишки, на ней «мешок» сидел даже изящно. А еще у нее в комплекте оказался веревочный пояс, которым Маша подпоясалась, придав себе более человеческий вид. На ногах у Маши красовались...

— Это лапти, что ли? — уточнил Мишка.

Маша хмуро кивнула.

— А мои где? — из принципа потребовал Мишка.

Маша молча ткнула пальцем под куст. И правда, под ним лежала еще одна пара лаптей. Мишка сердито выдернул лапти из-под куста, и из них вывалилась странного вида трубочка — красного дерева, с отверстиями по бокам.

Прилаживая допотопную обувь неудобными веревками к голени, Мишка злился все больше и больше. Почему он должен обряжаться в эти маскарадные костюмы?! Он даже потрогал одежду, развешанную на кусте, но с нее все еще обильно капало.

— Ладно, он мне за это ответит, только разберемся, что случилось... — бормотал Мишка, вертя в руках трубочку. — Папа позвонит, и всем мало не покажется...

Маша сумрачно уставилась на вяло бегущую воду.

— Не г-г-галлюц-ц-цинация, — констатировала она, постукивая зубами.

— Ну чего ты трясешься? — раздраженно спросил Мишка. — Расслабься, скоро все выясним!

— Холодно, — ответила Маша, — я в жизни в платьях не ходила, а тут еще и колготки забыли дать...

Маша попыталась завернуться в длинную льняную рубаху, но, судя по цвету ее носа, тепла от нее было не больше, чем от Мишкиной.

— Ладно, — решил Мишка, — пойдем!

— Куд-д-да?

— Искать. Кого-нибудь.

— Не пойдем мы никуда! Городовой сказал здесь сидеть, никуда не уходить!

— Какой Городовой? — возмутился Мишка. — Нет никакого Городового! Свалил! Наверное, он и был главной галлюцинацией. Мы тут околеем, пока его дождемся. Сейчас пойдем найдем работающий телефон, я позвоню отцу, и он нас заберет.

Маша нахмурилась, закусил губу и, пошатываясь и поскальзываясь в неудобных лаптях, подошла к Мишке.

— Ладно, пойдем туда! — сказала она и махнула рукой куда-то в сторону, где бор выглядел вроде как пореже.

— Почему туда? — удивился Мишка.

— Мне кажется, там дорога.

Маша бодро захромала в указанном направлении, и Мишке пришлось идти за ней. Под рубаху поддувало. Трубочку спрятать было некуда, пришлось держать ее в руке.

Через четверть часа перемещения по бурелому Миша озверел.

— Всё. Привал. Я уже все ноги разбил.

— Зато согрелись, — отрезала Маша.

— И где твоя дорога? — ехидно поинтересовался Миша.

— Не знаю...

Маша как раз вылезла на полянку, но тут же пригнулась.

— Тихо! — шепнула она и присела.

Прямо на ребят шла женщина в такой же длинной рубаше, как и у Мишки с Машей, разве что более грязной. В руках у нее был туесок, как из сказки, и она что-то бормотала себе под нос.

— О, человек! Сейчас договоримся!

Миша нацепил фирменную улыбку и рванул к бабке.

— Простите, пожалуйста, вы не подскажите... — бойко начал он.

— Аа-аа-аа-а!.. — заорала женщина и, кинув туесок, бросилась в лес.

Миша попытался ее догнать, но немедленно поскользнулся.

— Пойдите! — закричал он ей вслед. — Вы только скажите, где мы?

— Ну что, договорился? — съехидничала Маша.

Она аккуратно подняла туесок. Он был старый, драный и доверху набит вонючими корешками.

— Ручная работа, — изрек Мишка, — бешеных бабок стоит.

Маша вздохнула, отложив туесок в сторону.

— Зато мы узнали, что тут есть люди, — сообщил Миша. — Пошли дальше.

При слове «пошли» Маша поморщилась. Сняла с ног лапти, попыталась идти без них, скривилась еще больше.

— Что, неудобно? — поинтересовался Мишка.

— Нормально! — отрезала Маша. — Просто ноги стерла.

Маша присела на какой-то пенек, поглаживая стертые в кровь пятки.

Мишка отвернулся, и ему почудилось еле уловимое движение в кустах.

— Сиди здесь, — сказал Мишка, — я быстро. Сейчас я поймаю этих шутников...

И он скрылся в дубраве.

Когда Маша подняла глаза от израненных ног, то увидела руку, тянущуюся к туеску. Потом встретила глазами с хозяйкой руки. Потом они хором ойкнули.

Маша замолчала, потому что боялась спугнуть, женщина пригляделась к девочке, быстро схватила туесок и прижала к себе, как величайшую ценность.

— Вы берите, берите, — шепотом сказала Маша, — я не хотела вас напугать.

— Уду ты?¹ — тоже шепотом отозвалась женщина с каким-то неуловимым акцентом.

— Ой, — удивилась Маша, — а вы по-русски говорите?

— Штуждь...² — забормотала незнакомка. — Штуждь...

Женщина поспешила прочь, но Маша не собиралась ее просто так отпускать. Она шагнула вслед и тут же скривилась от боли — мозоли горели нестерпимо. Незнакомка услышала и замерла в нерешительности. Маша решила говорить громко и отчетливо:

— Как нам выйти к дороге? Где город?

В ответ женщина затараторила так быстро, что Маша смогла разобрать лишь отдельные слова: «бояться», «туду», «ходить», «супруг»...

Маша только растерянно моргала да морщилась от боли.

Неожиданно женщина сунула руку в туесок, достала корешок, быстро разжевала его, пошептала что-то и стремительно приложила кашицу к Машиной ноге.

— Абие³, — тихо сказала женщина, — абие...

То ли от корешков, то ли от успокаивающего голоса незнакомки действительно становилось легче. Маша улыбнулась целительнице, та почти улыбнулась в ответ...

И тут из-за деревьев послышался голос Мишки:

— Ушли, гады! Зато я понял, что это за трубка! Это свисток!

И Мишка вывалился из чащи, оглушительно свистя в найденную трубку. На мгновение у всех заложило уши, Мишке дольше других пришлось трясти головой, чтобы прийти в себя.

А когда очухался, он удивленно спросил:

— Э! А свисток где?

И растерянно посмотрел под ноги.

— Пропала твоя дудка, — строго сказала незнакомка. — Не простая она, зачарованная...

Мишка недоверчиво фыркнул и снова шагнул в кусты.

Маша удивленно обернулась к женщине:

— Так вы по-русски умеете говорить?

— Это вы по-нашему говорить стали, — строго ответила женщина. — Я ж говорю: зачарованная дудка была!

И, не дав Маше опомниться, спросила:

— Как звать-то?

— Маша.

— Я Прасковья. А мужа твоего как кличут?

— Кого? — изумилась Маша. — Какой муж, мне тринадцать лет!

— Ну да, ну да... — запричитала женщина, — поздновато, но ты девка хороша, может, еще кто и возьмет. У нас женихи

есть, ты скажи брату...

Маша с изумлением обнаружила, что кровь остановилась, а по стоптанным ступням разливается блаженная свежесть.

— Было мне видение, что я в лесу чудо встречу, — бормотала травница, — чем ты не чудо? Пойдем, я тебя не брошу, у меня переночуешь. И брата зови.

И проворно стала пробираться через лес.

Маша тихо семенила рядом с новой знакомой, а Мишка шел чуть сзади, злился и бурчал, что идут они неизвестно куда, вместо того чтоб спросить, где тут ближайший телефон. Прасковья косилась на него то ли с испугом, то ли с завистью.

По дороге она наклонилась к Маше и прошептала:

— А ладный у тебя брат. Кожа белая, зубы ровные...

Мишку чуть не перекосило от такого комплимента. Кожа и правда у него редко загорала, обычно сразу облезала после первого часа на пляже. А зубы... Зубы — это заслуга тети Тамары, маминой подруги. Всю зиму провел у нее в стоматологическом кресле. Оно не больно, конечно, но все равно противно, когда в твоём онемевшем от анестезии рту кто-то ковыряется. А тетя Тамара еще приговаривала: «Ничего, зато девчонки заглядываться будут». Накаркала.

И тут, в тон Мишкиным мыслям, Прасковья заявила:

— Была бы я помоложе... эх...

И сказано было вроде как Маше, и недосказано до конца, но Мишку в жар бросило от мысли, что какая-то старуха положила на него глаз. Машу это тоже смутило, и она уточнила:

— А вам сколько?

Их проводница безнадежно махнула рукой:

— Да уж все два с половиной десятка...

Маша решила, что это такая шутка, и вежливо хихикнула. Но это, кажется, не порадовало Прасковью, потому что она мрачно добавила:

— Двух мужиков поховала, а третьему не быти...

Она ввела их в дом. Сильно скособоченная избушка щурилась на мир крохотными мутными оконцами. Тем не менее хозяйка гордо заявила:

— Вот тута...

И прямо с порога принялась ловко топить печку, бормоча себе под нос:

— Не зябко оно... да вишь девка какая мерзлячая...

Маша уже собиралась насладиться мягким теплом печки, но дым почему-то повалил прямо в избушку. Девочка бросилась наружу, кашляя и обливаясь слезами. Мишка задержался чуть дольше — просто из принципа. Этого времени ему хватило, чтобы заметить полное отсутствие дымохода. Выскочив наружу, он потер кулаками глаза и внимательно осмотрел крышу. Трубы не было.

— Я все понял, — сказал Мишка гордо.

Правда, из-за распухшего носа получилось не столько гордо, сколько жалобно. Маша хмыкнула.

— Да? И где мы?

— Где? Не знаю. Но знаю у кого.

Мишка выдержал паузу — не для пущего эффекта, а чтобы оглушительно чихнуть, — после чего продолжил:

— Это ролевики.

Маша недоверчиво покосилась на домики. У нее были знакомые толкиенисты, она знала даже одного парня, который сам плел кольчуги, но до такого натурализма они никогда не доходили.

— Нет, — покачала она головой, — это уж как-то совсем круто...

— Круто, — согласился Мишка. — Фанаты. Одежда, мебель, дома — все ауто... как его... короче, как тогда было.

— А мы как тут оказались? — поинтересовалась Маша. — Мы же возле Кремля были!

Мишка выразительно посмотрел на блондинку. Он хотел этим взглядом сказать: «Я что, во всем должен один разбираться?! Сама пошевели извилинами», — но Маша его не поняла. Она продолжала смотреть на него требовательно и нетерпеливо.

— Не знаю! — не выдержал Мишка. — Сейчас спросим!

Очень кстати у избушки возник мальчонка лет пяти.

Сначала он вылупился на Мишу, икнул от страха, потом уставился на Машу. Присутствие девушки мальчика немного успокоило, и он поклонился ей в ноги.

Маша нервно хихикнула.

— Э, пацан, — начал Мишка, — хватит. Слышь, мы тут заблудились, скажи, как до Москвы доехать.

Мальчик икнул еще раз и затрясся.

Маша подошла к нему, уселась на корточки и тихо попросила:

— Слушай, ты очень круто играешь. Но мы тут правда случайно. Скажи, где вы машину оставили? Где дорога?

Мальчик смотрел прямо на Машу, но в его глазах не отражалось ничего, кроме благоговения.

— Ты можешь говорить? — спросила Маша и повернулась к Мише: — Он немой, похоже.

И тут «немой» мальчик заговорил. Из длинной речи удалось вычленить только «Прасковья», все остальное слилось в едином потоке звуков.

Травница выскочила из хатки, схватила туесок и кивнула Маше:

— Пойдем пособишь.

— Куда?

— К Пелагее.

— Зачем?

— Идем, — шепнул Миша, — может, там кого встретим.

— Ты — нет, — отрезала Прасковья и решительным шагом пошла за мальчишкой, который шустро бежал между деревьями.

Миша выразительно развел руками и уселся на бревно. Маша потащилась следом за травницей.

Оказывается, совсем недалеко была деревня. Если, конечно, можно назвать деревней эти вросшие в землю крохотные домики.

Сначала Маша глазела по сторонам, потом опустила глаза вниз и быстро семенила за Прасковьей, потому что с каждой минутой ей становилось все страшнее. Эти ролевики явно безумны! Натурализм натурализмом, но есть же какие-то пределы! Главное — дети, сами-то ладно, но детей жалко. Эти странные чумазые существа, одетые в длинные рубахи... Босые, замерзшие!

— Пришли! — Прасковья свернула во двор и споро занырнула внутрь дома.

Маша протиснулась в избу, согнувшись в три погибели. Темно. Душно. Воздух спертый, влажный, жаркий.

Пока Машины глаза привыкали к мраку, а сама она боролась с тошнотой, Прасковья успела разложить на столе свои корешки.

— Если не родит до ночи — помрет, — спокойно сказала она.

— Что? — подскочила Маша.

— Пелагея. Уже два дня мучается.

— Где? — тупо спросила Маша.

Из груды тряпья в углу раздался протяжный стон.

Машу прошиб холодный пот.

— Вы что тут, совсем с ума посходили? Вызывайте скорую немедленно! Где телефон?

— Тихо, — сказала Прасковья, — мудро говоришь, не разумею.

— Да хватит прикидываться! А если она умрет?..

— Значит, так тому и быть, — прошептала Прасковья.

Маша вылетела из избы, вляпалась в грязь по колено, шуганула курицу. В самой грязище, посередь двора, сидел мальчишка, который и привел их сюда, он держал на руках совсем мелкого ребенка.

— Ты руки когда мыл? — не удержалась Маша. — Что ты ему пальцы в рот суешь?

Мальчик шмыгнул носом.

Больше всего Маше хотелось сбежать отсюда, но она не смогла придумать куда. В хату заходить было страшно до дрожи, но и бросить их всех тут уже тоже было невозможно.

— Вернусь домой, все расскажу маме, — прошептала Маша. — Она врач. Она приедет и во всем разберется. И детей этих мы отмоем, и все будет хорошо...

Из избы раздался вопль.

Маша вздрогнула, но ноги сами понесли ее внутрь. Как ни странно, внутри уже довольно приятно пахло травками.

— Воды принеси! — не оборачиваясь, приказала Прасковья, не отходя от роженицы.

Маша опять вышла во двор.

— Где вода? — медленно спросила Маша у мальчишки. — Ко-ло-дец? Реч-ка? Во-да?

Мальчик вскочил, положил малыша на травку, сгонял за дом, принес две деревянные емкости вроде ведер и шустро побежал с одним по улице. Маша с большим трудом успевала за ним с пустым ведром, а уж с полным... Вернулись во двор, мальчишка подхватил малыша, который успел заползти в грязь, пока они ходили, и уселся на прежнее место.

Наверное, от обморока Машу спасло только то, что в хате было темно. Потому что одно дело смотреть по телевизору, как доктор в белом халате кричит: «Тужься!» — и туча медсестер суется вокруг, и совсем другое, когда вот так — в грязи, в тряпье. Хорошо, что с появлением травницы все пошло очень быстро: буквально через пару минут после того, как принесли воду, Прасковья плюхнула Маше на руки крохотного красного вопящего детеныша.

— Обмой! — приказала она.

Маша чуть не упала в обморок второй раз. Но, подчиняясь властному голосу травницы, дрожащими руками стала

вытирать ребенка маленькой тряпицей. Руки не слушались, новорожденная девочка орала.

— Сразу видно, что не рожаем, — проворчала Прасковья, взяла малышку, шустро обтерла ее, завернула. — Зато теперь точно в девках не засидишься! У нас кто немовлятку в руки взял — скоро рожают. И малую мы в честь тебя назовем — Марией, да, Пелагея?

— Как скажешь, Прасковья, — зашелестела из угла молодая мать.

— Отнеси ей ребенка, — опять приказала Прасковья и вышла из хаты.

Маша на негнущихся ногах подошла к женщине и положила ребенка рядом с ней.

— Не тутошняя? — спросила та.

Маша кивнула.

— Красивая... — завистливо сказала Пелагея. — Я тоже была ничаво.

— А сколько вам лет? — не удержалась Маша.

— В дюжину замуж выдали, да трое деток уже, еще двое померли... Вот и считай.

— Ты что, каждый год рожаешь? — прошептала Маша.

— А как? — изумилась Пелагея. — Чай, не порчена.

Маша мысленно представила себе свой десятый класс. Всех этих накрашенных, начесанных, с маникюром и педикюром гламурных девушек. Вроде те же семнадцать лет, но с тремя детьми их образ никак не вязался.

— Во дворе твои дети? — спросила Маша.

— Мои, а чьи ж еще?

Пелагея шустро приладила к груди малышку, которая радостно зачмокала.

— Может, их покормить? — спросила Маша.

— Да чё их кормить, Миколка покормится, большой уже. А завтра мужики вернутся с охоты, так я уж и встану.

Не зная, что еще предложить, Маша вышла во двор и обнаружила, что «большой» Миколка доит козу, а малыш радостно дергает ее за хвост.

«Это не ролевики! — поняла Маша. — Это какая-то секта!»

— Идем, — дернула Машу за рукав Прасковья и засеменила к своему дому.

После Пелагеиных «хором» у Прасковьи казалось просторно, почти чисто и светло. Маша устало опустилась на скамью и уронила голову на руки.

— Ну что, — пристал к ней Мишка, — нашла кого-нибудь? Где телефон?

— Миш, все плохо, — прошептала Маша.

— Слушай, а поесть тут где-нибудь можно, а? Может, кафе?

— Иди козу подои...

— Чего? — воскликнул Мишка.

— Миша, все плохо... Ты б видел эту деревню. Похоже, что мы попали в доисторические времена!

Маша с трудом подняла голову и мутным взглядом оглядела дом.

— Голова болит, — пожаловалась она.

— Да у тебя температура! — воскликнул Мишка. — Ты чего, простудилась, что ли? Вот бестолковая... Ладно, сиди, я пойду у этой... Прасковьи аспирин попрошу.

— Аспирин? — не без иронии спросила Маша.

Потом вспомнила грязные тряпки вокруг роженицы и разрыдалась.

Потом Маша помнила, что травница поила ее настоем своих корешков, помнила, что просыпалась несколько раз, но не могла поднять голову от подушки. Подушка была жесткая, колючая и очень вкусно пахла сеном. И снился Маше чудесный вид: холм, поросший дубами, две речки, сливаясь у подножия холма, блестят на солнце. И казалось, что нужно понять что-то важное... «Вот вспомню, что это, и сразу все пойму!» — решила Маша и открыла глаза.

Голова не болела. Маша аккуратно села на лавке. Даже слабости почти не было. Она вышла во двор и остановилась, щурясь на солнце.

— Проснулась, — сказала Прасковья, — вот и ладно. Я ж говорила — не помрет. А я ж знаю, когда помрет, а когда нет. Я спрашивала у них (выразительный кивок вверх), мне сказали, отойдет через тыщу лет. А брат тебе не брат — мне так сказали. И не муж. Я б его приворожила, да вижу, что не любя ему. А насилу не люблю — неправильно это.

— А где он? — спросила Маша.

— Да пошел с мужиками. Мужики сказали: раз живет, пусть работает. У нас все работают. Станный он у тебя. Я думала, бесноватый, — не, не бесноватый. Только как безрукий. Видно, издалече вы пришли, у нас такие не выживают.

— Да уж... — хмыкнула Маша. — Мы тоже, похоже, не выживем.

Вечером появился Мишка. Руки содраны, весь в синяках. Сказал, что рубили деревья. Добавил, что чудом не убило. Заснул, не закончив.

Прасковья смотрела на него с сожалением:

— Такой красивый, но такой дохлый. Будешь любить — задушишь ненароком.

Среди ночи Машу поднял дикий шепот:

— Слышь, вставай! Надо линять отсюда! Пойдем на реку, а? Вещи свои заберем, искупаемся...

Маша тупо, как сова, хлопала на Мишку глазами.

— Зачем искупаемся? Холодно...

— Вот тупая! — Мишка с трудом сдержался, чтобы не повысить голос. — Если мы еще раз искупаемся, может, домой попадем! Как в том кино... не помню сейчас... Короче, пойдем, вставай, ну что ты разлеглась!

Маша поднялась, и ребята постарались тихонько улизнуть из избы.

— Я вчера с мужиками поговорить пытался, — шептал Миша. — Они ненормальные! У меня собака разговорчивее! А этот берет бревно и молча кидает! Я типа его ловить должен! Да я его не подниму в жизни! Чуть не убил, гад...

На берег пришли в кромешной темноте.

Вещей своих найти не смогли, но Мишка только прошипел: «Да ладно!» — после чего бодро разделся и ломанулся в воду. Быстро выскочил, стуча зубами от холода.

Городовой не появился.

Тогда, честно повернувшись друг к другу спиной, ребята залезли в воду вместе.

— У меня точно воспаление легких будет, — простучала зубами Маша.

Городовой не появился и теперь. И спустя два часа Миша с Машей вернулись к домику травницы.

— Зря мы в реку полезли, — зло прошипел Мишка, укладываясь спать на лавке.

— Ты ж сам предложил! — возмутилась Маша.

— И что? А ты не могла подумать? Ты вообще сама что-нибудь придумать можешь? Валяешься тут, типа болеешь, а я работать должен!

Маша, решив не связываться, отвернулась к стене.

— Я понял, — сообщил Мишка через пару минут, — эта река с наркотиками. И все они тут такие... обдолбанные

живут.

Маша не ответила. Сжавшись в комочек, она заснула.

На рассвете их разбудили голоса.

— Я не пойду с ними. — Мишка со стоном закатился под лавку. — Иди скажи им, что я заболел и умер.

— Раз в жизни тебя заставили что-то сделать, и ты тут же умер, — хмыкнула Маша. — Хлюпик, как и все...

Девочка вышла из избы и тут же попала под натиск Прасковьи.

— Что ж вы не сказали, что с вещуном знаете, а? Мне ж можно было и сказать! Он за вами пришел.

Если б не глаза, Маша никогда бы не узнала в этом бородатом старичке статного Городового. У нее перехватило дыхание, и она кинулась ему в ноги.

— Встань, встань, девка, — грудным голосом пропел «вещун» и тут же зашипел Маше на ухо: — Я ж вам сказал на месте стоять, куда вас понесло? Если б сегодня утром не увидел примятую траву у реки, в жизни б вас не нашел! Делать мне больше нечего, только бегать искать вас!

— Прости, — выдохнула Маша.

— Зови парня своего и пошли в лес! Поговорим спокойно.

Поговорить спокойно не вышло. Мишка постоянно хамил Городовому, а Маша хамила Мишке. Городовой скоро вышел из себя и даже легонько стукнул слушателей по головам палкой, на которую опирался, — сначала Мишку, потом Машу.

Они сразу притихли: Мишка от возмущения, Маша от неожиданности. Даже в этом странном месте на нее ни разу не подняли руку.

— Повторяю в последний раз, — сурово произнес Городовой. — Вас занесло на тысячу лет назад.

Мишка попытался открыть рот, но получил короткую оплеуху, которая заставила его щелкнуть зубами.

— Потому что не надо было историю дразнить, — ответил Городовой на незаданный вопрос, — она очень капризная особа! Да еще в таком месте...

Тут Маша встревожилась:

— А в каком месте? Нас и во времени, и в пространстве сдвинуло, да? А куда? А почему в том месте нельзя было про историю плохо говорить?..

Городовой многообещающе поднял посох. Маша прикусила язык.

КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ. *Вам может показаться, что наши герои перенесли не только во времени, но и в пространстве. Действительно, только что они были в Александровском саду — и вдруг оказались в какой-то речке! На самом деле в пространстве Маша с Мишкой совсем не переместились. Просто тысячу лет назад там, где сегодня Александровский сад, протекала река Неглиная (или Неглинка). В нее наши путешественники во времени и угодили. Кстати, еще двести лет назад Неглинка текла по поверхности, только в 1817—1819 годах ее упрятали в подземный коллектор.*

— Про историю нигде нельзя плохо говорить, ясно? — значительно произнес Городовой.

Маша кивнула. Мишка скривился.

— А то место — особенное. Вы, кстати, в нем до сих пор, так что...

Городовой значительно погрозил пальцем.

— Это что — Москва? — ахнула Маша.

Мишка иронично осмотрелся.

— А чего, — сказал он, — нормальная такая Москва. Ни пробок, ни террористов...

Городовой внимательно смотрел на собеседников и не думая отвечать. Казалось, он ждал от них чего-то.

— Погоди, дай подумать. — Маша схватила себя за щеки, видимо, чтобы лучше думать.

Как назло, сосредоточиться ей не дал далекий монотонный звук — как будто кто-то стучал деревяшкой по рельсу. Хотя откуда тут взяться рельсу?

КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ. *Мы привыкли, что в Москве постоянно звонят колокола, но так было не всегда. Русские колокольные мастера появились только в XII веке, но их было очень мало, и в русских церквях вместо колоколов служили била — металлические или деревянные доски, в которые били колотушками. Похожим образом были устроены и клепала.*

Мишка неожиданно заметил, что Маша уже не блондинка. От грязи волосы стали неопределенного землистого цвета, как и у большинства местных жителей.

— Москва основана в тысяча сто сорок седьмом году, — медленно произнесла Маша. — А мы сейчас в...

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru